

УДК 821.161.1

М.Н. Климова

**СВЯТОСТЬ И СОБЛАЗН
(ОБРАЗ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)**

Житие раскаявшейся блудницы Марии Египетской относится к числу самых известных и художественно совершенных образцов христианской агиографии, оставивших глубокий след в мировой и отечественной культуре. Статья посвящена отражениям образа этой «грешной святой» в произведениях русской литературы XIX–XXI вв. от незавершенной поэмы И.С. Аксакова до баллады современной исполнительницы авторской православной песни С. Копыловой. Анализ этих произведений показывает, что хотя культу св. Марии Египетской 1500 лет, в русском сознании она до сих пор не утратила черты земной, страстной и грешной женщины.

Ключевые слова: агиография, христианство и литература, русская литература, житийная традиция.

Житие преподобной Марии Египетской, память которой Православная церковь отмечает 1 апреля, по праву вошло в золотой фонд христианской литературы. В сонме святых известно немало женщин, пришедших к вершинам христианского идеала путем «падения и восстания» (первообразом подобных рассказов были евангельские эпизоды встреч Учителя с грешницами). Но автору Жития Марии Египетской, византийскому церковному писателю VII в., удалось создать на эту тему произведение не только неповторимое, но и оставившее глубокий след в мировой и отечественной культуре. Обратимся к этому тексту.

Как правило, типовое житие раскаявшейся блудницы организуется следующим образом. Героиня жития, ведущая в его начале развратный образ жизни, резко меняется под влиянием случайно услышанной проповеди. Избавившись от греховно нажитого имения, она уходит в монастырь, чтобы слезами раскаяния, постом и молитвами очиститься от грехов. За свои аскетические подвиги она удостоивается дара чудотворения и мирного успения в чине преподобной. Но в рассматриваемом нами агиографическом тексте наполнение общей для всех житий «грешных святых» сюжетной схемы «грех – покаяние – спасение» происходит отлично от других рассказов такого рода. Александрийская блудница Мария была с ранних лет одержима неутолимой жадой плотских наслаждений, заставившей ее покинуть родительный дом в очень юном возрасте и в дальнейшем нередко отдаваться желающим бесплатно. Любопытство и та же неутолимая жажда побуждают ее отправиться в Иерусалим с толпой паломников, оплачивая проезд на корабле своим телом. Не перестает она грешить и в Святой Земле, но в праздник Крестовоздвижения ее душу навсегда преображает чудо. Неведомая сила «трижды и четырежды» не пускает идущую в толпе грешную женщину на порог храма. Потрясенная своей отверженностью, блудница возносит покаянные мольбы к Богоматери, после чего ей дозволяется войти в храм. Помолившись, Мария уходит в Заиорданскую пустыню, где проводит в полном одиночестве почти

полвека. Первые 17 покаяния (в соответствии со сроком ее бывшего разврата) Марию терзают греховные помыслы, изображаемые с необычным для агиографического повествования психологизмом и даже «реализмом». Ее мучают не бесы в оболстительных или устрашающих облициях, но желание отвесть «египетской рыбы» и сладкого вина, а в ее мольбы к небу невольно вплетаются слова некогда любимых ею фривольных песенок. Затем соблазны отступают от нее, и в течение последующих трех десятилетий она постепенно утрачивает потребность в еде и питье. Через 47 лет пустынножительства Марию, почти потерявшую человеческий облик, находит некий инок Зосима, вынужденный при встрече оторвать край своей одежды, чтобы прикрыть наготу отшельницы. Зосима принимает исповедь героини, а еще через год причащает ее. В свое третье посещение отшельницы он находит лишь ее мертвое тело и только теперь узнает ее имя, чудесным образом начертанное на песке. Вышедший из пустыни лев помогает иноку предать усопшую земле [1. С. 84–98].

Как можно заметить, типовая схема истории раскаявшейся блудницы в этом Житии дополнена многочисленными подробностями, нередко избыточными с позиций агиографического канона, но глубоко врезающимися в память читателя в силу своей художественной выразительности. Усложнил создатель Жития и традиционную линейную композицию агиографического повествования: о былых грехах и покаянии Марии Египетской рассказывает Зосиме сама престарелая отшельница, в смирении раскаяния не подозревающая о достигнутой ею святости. Основная идея Жития, всесильность покаяния, усилена включением истории жизни и смерти Марии Египетской в рамочный рассказ об иноке Зосиме, также прошедшем через соблазн и падение. Некогда в своем затворе он возомнил себя непревзойденным в аскетических подвигах, и для избавления от гордыни ему было велено свыше найти превзошедшую его. Очевидно, этот урок был хорошо усвоен им (преподобный Зосима Палестинский вспоминается Церковью 4 апреля).

Этот замечательный житийный памятник (анализ его художественных достоинств мог бы стать темой отдельного исследования) был активно воспринят христианской культурой Востока и Запада на всех ее уровнях – от чина богослужения до религиозного фольклора. Например, в католической культуре история Марии Египетской послужила образцом для апокрифического жития ее святой тезки, Марии Магдалины, вошедшего в народную книгу европейского Средневековья «Золотая легенда» и вызвавшего существенный резонанс в мировом искусстве. В православии Житие Марии Египетской было включено в великопостную службу (оно читается в церкви на пятой неделе Великого Поста и соседствует со знаменитым покаянным канонем Андрея Критского). Войдя в русскую культуру вскоре после принятия христианства [2. Т. 2. С. 189–215], преподобная Мария с течением времени вместе с Андреем Критским получила в сонме «святых заступников» народного православия роль «наставников в покаянии», что привело к появлению их совместных икон. Невольное сближение обоих святых в церковной службе вызвало к жизни и их новую, созданную народным воображением совместную «биографию» совсем уже фантастического содержания [3. С. 116–117]. Некоторые эпизоды Жития Марии – ее грешное плавание на корабле, встреча с Зосимой в пустыне, погребение отшельницы львом – даже зажили в народ-

ной памяти самостоятельную жизнь. Примером могут служить отражения эпизода встречи в пустыне в духовных стихах, хотя история раскаявшейся александрийской блудницы в этом ригористически суровом жанре религиозного фольклора как отдельный сюжет почти не сохранилась [4].

Многократно использовала образ Марии Египетской и художественная литература Нового времени. В качестве западноевропейских примеров такого рода упомянем появление Марии в финале «Фауста» И.-В. Гёте, а также переосмысление «корабельного эпизода» ее Жития в трагической балладе Б. Брехта «Легенда о девке Ивлин Ру». Не раз обращались к образу Марии Египетской и русские писатели, о чем и пойдет речь в дальнейшем.

Хотя общая для всех агиографических рассказов о «грешных святых» идея всеисильности покаяния была выражена в Житии Марии Египетской с большой художественной силой, не только это определило его судьбу на русской почве. Хорошо запомнился русским читателям и чувственный жар, исходящий от страниц этого необычного жития. Этот жар с тревогой и сладкой мукой ощущают юные персонажи отечественной словесности – Подросток Ф.М. Достоевского и инок Еразм Е.И. Замятина. Показательно, что в литературных пересказах и упоминаниях Жития регулярно возникают образы зноя и раскаленного песка, хотя в тексте первоисточника они не акцентируются, что позволяет увидеть в этих мотивах метафорическое выражение «огня страстей». Хотя христианскому культу этой святой почти полторы тысячи лет, равно безудержная в грезе и покаянии, Мария Египетская доселе возникает в русской памяти в облики земной, страстной и грешной женщины, вызывая настороженное дистанцирование у представительниц своего пола и одновременно притягивая и волнуя воображение мужчин.

Первым отечественным опытом литературной обработки истории Марии Египетской стала одноименная поэма И.С. Аксакова (1845). Судя по письмам ее автора, она задумывалась как некая христианская эпопея, но так и не была дописана. Сохранившаяся часть поэмы (введение, три небольшие главы и фрагмент с песней Марии) весьма слабо соотносится с житийным первоисточником. Образ героини, которую Аксаков наделил простодушием, грациозной легкостью и сохраненной среди разврата почти детской невинностью души, кажется, очаровал и своего создателя, не сумевшего объяснить даже самому себе необходимость покаяния и нравственного изменения Марии. В конце концов, поэт был вынужден отказаться от своего замысла, решив, что «...для этого надо быть лучшим христианином» [5. С. 278].

Житие Марии Египетской отразилось в трех последних великих романах Ф.М. Достоевского. В текст «Подростка» и «Братьев Карамазовых» включены впечатления от знакомства с историей прекрасной грешницы Аркадия Долгорукого и старца Зосимы (И.П. Смирнов даже предположил, что само имя старца было навеяно Житием [6. С. 54]). В воспоминаниях этих персонажей о Житии доминируют ранее отмеченные нами мотивы зноя и жара. В романе «Бесь» влияние житийного текста оказывается более сложным. Как убедительно показал И.П. Смирнов, различные элементы этого агиографического повествования стали важной составляющей образа тайной жены Ставрогина, Марьи Лебядкиной [7], являя собой выразительный пример использования житийного приема синкрисиса русскими классиками. Следует заме-

тить, что трактовки образа таинственной Хромоножки, как называл ее в черновиках романа Достоевский, в научной литературе сильно разнятся. В Марье Лебядкиной видели и воплощение Вечной Женственности, и прозорливую юродивую, распознавшую демоническую сущность своего супруга, и даже ту самую «ведьму», которую отдают замуж бесы из пушкинского эпиграфа к роману [8. С. 130–157]. Характер аллюзий из Жития Марии Египетской в тексте «Бесов» позволяет предположить, что героиня Достоевского сравнивается со святой в самом начале ее покаянного пути, когда ее душу еще терзают земные страсти.

И.П. Смирнов выявил и другой интересный пример влияния этого жития на русскую литературу, применив агиографический текст в качестве ключа для истолкования смысла «загадочного» стихотворения «Ты отошла, и я в пустыне...», которое А.А. Блок сделал поэтическим эпиграфом к своему знаменитому циклу «Родина» [6]. Согласно этой трактовке лирический герой стихотворения уподобляется не только Христу в пустыне, в самом начале его страстного пути, но и иноку Зосиме, встреча которого с отшельницей Марией произошла пятью столетиями позже, но в той же Заиорданской пустыне. В образе аскета, осознавшего тщету своей былой гордыни при встрече с «грешной святой», в смирении раскаянии не ведающей о достигнутой ею «высоте», нам чудится нечто глубоко выстраданное автором стихотворения. Именно в период его написания (1907) Блок-поэт спускается с разреженных высот идеальной и бесплотной любви к Прекрасной Даме и погружается в лиловый вьюжный мрак петербургской ночи, готовясь к встрече с подлинной жизнью своей Родины, которая отныне становится и его судьбой. Сквозная метафора обретенной Родины обеспечила этому тексту его особое место в корпусе третьего тома стихотворений Блока. Женская персонификация образа Руси-России – давняя традиция отечественной культуры: еще Максим Грек в одном из произведений описал свою новую родину в облики женщины в черном, сидящей на распутье. Но у Блока этот образ приобретает дополнительный оттенок: его Россия – чаще всего страстная и грешная красавица. И в этом ряду образов Родины в поэзии Блока, в целом хрестоматийно известных, Мария Египетская оказывается самой первой.

Стихотворение М.А. Кузмина «Мария Египетская» (1912) [9. С. 270–271], казалось бы, являет собой пример произведения, написанного «на случай», ко дню именин его домоправительницы М.П. Замятиной. Одновременно этот текст наглядно демонстрирует упомянутое ранее различие «женского» и «мужского» восприятия образа святой. Вероятно, поздравляя Замятину с днем ее ангела, Кузмин столкнулся с некоторым ее сопротивлением. Мария Замятина, женщина тихая и домашняя, никак не могла отождествить себя с грешной и страстной Марией Египетской. Стихотворение Михаила Кузмина – ответ на ее сомнения (оно и начинается со слова «ведь»). Шесть его четверостиший отчетливо разделены на две равные, внутренне симметричные и связанные переключкой опорных слов части. Первая часть напоминает важнейшие вехи жизни святой, вторая – характеризует собеседницу поэта и намечает ее жизненные перспективы. В кратком, но очень выразительном пересказе Жития Марии Египетской поэт обнаруживает не только прекрасное знание агиографического источника, но и его глубокое, совсем не тривиаль-

ное понимание. Казалось бы, жизненный удел Марии Замятиной совсем иной, хотя можно найти и нечто общее в духовном облике двух Марий – их простоту и потаенное достоинство, с которым каждая несет свой жизненный крест. В стихотворении утверждается идея равноправия разных путей человека к Богу, ведь, как и ее святая тезка, скромная домашняя женщина, целиком погруженная в заботы «жизни тесной», в конце ее удостоится личного любящего внимания Христа, который, по мнению поэта, зачтет ее бытовые хлопоты на благо ближних «как молитву».

Образ Марии Египетской оказывается в самом центре рассказа Е.И. Замятина «О том, как исцелен был инок Еразм» (1920), включенного в цикл «Чудеса» [10. С. 378–389]. Заглавный герой рассказа – юноша, выросший в стенах монастыря в полном житейском неведении. По велению своего наставника он должен написать «икону с житием» преподобной Марии Египетской. Молодой инок выполнил задание, хотя по описанию созданных им изображений в клеймах можно догадаться, что чтение агиографического первоисточника взволновало его прежде невинную душу. Масло в огонь его страстей подливает сам наставник Памва, неожиданно недовольный неженственными очертаниями центральной фигуры иконы. Старца явно попутал один из бесов, витающих на протяжении всего повествования вокруг злополучного монастыря, – и описание Марии, увиденной в Житии глазами Зосимы, и ее традиционная иконография подчеркнута лишены признаков пола. Но бедный Еразм, ничего не знавший о женской анатомии, взволнован не на шутку и почти болен от своего неведения. Исцеляет его лишь милосердное явление изображенной им святой, открывающей юноше тайны женского естества и тем самым вносящей мир в его растревоженную душу. Рассказ Замятина почти фриволен, но нельзя отрицать и того, что некоторую предпосылку его содержания дал его благочестивый агиографический источник.

Известно, что знаменитая Мать Мария (в миру Е.Ю. Кузьмина-Караваева-Скобцова) приняла монашеский постриг под именем заиорданской отшельницы. Причины выбора именно этой святой покровительницы для будущей монахини в миру, которой предстояло нести Благою Весть евангельской Любви своим соотечественникам, опустившимся в эмиграции на самое дно жизни, остались невыясненными. По предположению одной из очевидиц пострига, благословивший инокиню митрополит Евлогий, возможно, при этом «думал о том, что как Мария Египетская ушла в пустыню к зверям, так она идет в своем монашестве в мир к людям, с которыми часто труднее, чем со зверями» [11. С. 15]. Предположение весьма произвольное – ведь в тексте Жития специально подчеркивалось, что Мария жила в пустыне в полном одиночестве и единственный зверь, лев, появился лишь после ее смерти. Сама же нареченная мать Мария в эти дни пишет для себя далекий от канонов, «самомысленный», как сказали бы в Древней Руси, образ своей новой небесной покровительницы: ангел указывает отшельнице Марии на некогда оставленный ею грешный город, призывая вернуться туда. Впрочем, вскоре и навсегда Марию Египетскую в качестве примера для подражания монахини в миру заменила другая Мария – Богородица, материнская любовь и забота которой в православии распространяется на всех людей.

Неожиданный конфликт двух Марий, александрийской блудницы и Богоматери, изображен в одноименной балладе современной исполнительницы авторской православной песни Светланы Копыловой [12]. Смысловый центр баллады образует эпизод нравственного преображения прекрасной грешницы в день Крестовоздвижения. В житийном первоисточнике сила, не пустившая блудницу в храм, так и остается «неведомой», и лишь ее мольба к иконе Богоматери снимает запрет. В трактовке С. Копыловой именно Богоматерь не пускала грешницу к страстному кресту своего Сына, хотя это, на наш взгляд, огрубляет традиционный образ «теплой заступницы мира холодного», как назвал Богородицу М.Ю. Лермонтов, сложившийся в отечественной культуре. Трудно представить Деву Марию, сострадавшую, согласно популярному древнерусскому апокрифу «Хождение Богородицы по мукам», даже грешникам в аду, толкающей в грудь другую, пусть и порочную женщину...

Таким образом, Житие Марии Египетской неизменно поворачивается к читателям Нового времени разными своими гранями. Оно не только утверждает идею всеисильности покаяния, доселе не потерявшую своей актуальности для отечественной культуры – сюжет о покаянии и спасении великого грешника лежит в основе одного из фундаментальных мифов русской ментальности. Парадоксальным образом этот агиографический текст одновременно вызывает воспоминания о чувственной прелести и сладости соблазнов земной жизни, которой героиня Жития некогда служила не менее страстно, чем позднее отреклась от нее.

Литература

1. *Византийские легенды* / изд. подгот. С.В. Полякова. Л.: Наука, 1972. 303 с. (Литературные памятники).
2. *Библиотека литературы Древней Руси*: в 20 т. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. 555, [1] с.
3. *Климова М.Н.* Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX веков*. Новосибирск, 2006. С. 107–117.
4. *Петрова Л.Н.* Сюжет о Марии Египетской в устной и письменной традиции // *Русский фольклор: Материалы и исследования*. СПб., 2001. Т. 31. С. 100–111.
5. *Аксаков И.С.* Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1960. 297 с. (Библиотека поэта).
6. *Смирнов И.П.* «Бытия возвратное движение...» // *Лит. обозрение*. 1980. № 10. С. 54–56.
7. *Смирнов И.П.* Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // *Русская и грузинская средневековая литература*. Л., 1979. С. 212–217.
8. *Сараскина Л.И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
9. *Кузмин М.А.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2000. 881, [1] с. (Новая библиотека поэта).
10. *Змятин Е.* Антологии сатиры и юмора России XX века. М.: Эксмо, 2004. Т. 28. 608 с.
11. *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. СПб.: Искусство, 2001. 767 с.
12. *Копылова С.* Две Марии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jooov.net/text/2052895/svetlana_kopylova-dve_marii.htmls